

Во Дворце Долголетия Лян Дицзюнь, подперев голову рукой, о чем-то глубоко задумался. Увидев вошедших, он тут же разгладил морщины на лбу и добродушно улыбнулся:

— Фаньинь тоже пришла?

— Отец, это я настоял на том, чтобы привести её. Если решите кого-то винить, накажите лишь меня одного.

Лян Дицзюнь тихо рассмеялся и не удержался от шутки, словно самый обычный отец из простой семьи:

— Она еще даже не стала твоей женой, а уже так помыкает тобой. Если вы действительно поженитесь, не придется ли ей каждый день терпеть обиды?

— Нет, Чжунбай этого не допустит.

Её твердый, решительный голос эхом отозвался под сводами дворца.

— Выходит, Фаньинь согласна выйти замуж за третьего брата?

Второй ван, Лян Сехань, с игривым блеском в персиковых глазах вошел в зал и поклонился императору.

— Достаточно взглянуть на то, как горячо госпожа Фаньинь только что его защищала, чтобы понять ответ, — промолвил Лян Сечэнь, осторожно поддерживая свою супругу, когда они входили в зал.

Живот первой жены, Сян Цинсин, уже заметно округлился — она носила под сердцем наследника рода Лян.

Цзи Фаньинь не знала, плакать ей или смеяться: она чувствовала себя так, будто попала под перекрестный огонь.

В этот критический момент Лян Сеся, стремясь защитить её от лишнего внимания, незаметно перевел тему:

— Отец, вы позвали нас сегодня, потому что это связано с делом бывшей принцессы Пэнлая?

Сердце Цзи Фаньинь пропустило удар. Бывшей? Неужели в Пэнлае сменился правитель?

Упоминание об этом заставило Лян Дицзюня помрачнеть. Он опустил взгляд, и выражение его

лица стало суровым:

— Да. Гу Лихуа, принцесса Пэнлая, тайно пробралась в Иншан под охраной уездного начальника Ушани. Только что она предложила сделку: если мы вышлем войска и поможем ей вернуть власть в Пэнлае, она отдаст нам древний жетон, принадлежащий нашему государству Инчжоу.

— Древний жетон? — Лян Сеюнь подбежала к отцу и, подперев подбородок рукой, с любопытством уставилась на него. — Почему вы никогда раньше об этом не упоминали?

Лян Дицзюнь поднялся на ноги. Его взгляд, казалось, устремился в глубину веков, а голос звучал словно издалека:

— Эта история началась тридцать лет назад...

То были времена, когда земля была залита кровью, а поля усеяны трупами. Он до сих пор помнил это в деталях. С того самого момента, как он начал себя осознавать, три страны — Инчжоу, Пэнлай и Фанчжан — никогда не прекращали войн. Убийства, запах крови, с каждым днем становившийся все гуще, и стоны горя, разносившиеся повсюду, окутали эти земли непроглядной тьмой.

Однажды, во время очередного сражения на границе, небо внезапно озарилось ослепительной вспышкой. Войска попадали на землю, и лишь трое остались стоять — правители трех стран: Лян Чичэн, Гу Люйшуй и Ци Цинмин. В синем, как море, небе возник старец с серебристо-белым метелкой-фэньчэнем в руках. В тот же миг все живое замерло.

Вне мира — легкость, сокровища — лишь пыль. Изначально не было ничего, откуда же взяться пыли!

— Я поняла, — с видом знатока перебила Лян Сеюнь. — Все эти битвы были лишь из-за несуществующих сокровищ.

Во многих книгах писали, что подобные клады — лишь старые карты или выдумки. Лян Дицзюнь потрепал дочь по голове, но не ответил.

— Не обязательно, — задумчиво произнесла Цзи Фаньинь, глядя на улыбающегося императора. — Возможно, они находятся прямо здесь, в наших трех странах!

Что?

Все были ошеломлены этим ответом. Кроме Лян Дицзюня, никто не мог поверить в услышанное.

— Сестрица Фаньинь, как ты к этому пришла?

Лян Дицзюнь не дал ей ответить и продолжил рассказ. Старец, произнеся свои слова, взмахнул метелкой, словно вобрал в неё весь облик Поднебесной. Он сотворил заклинание, и с небес спустились четыре древних духа, которые, обернувшись вихрем, превратились в четыре жетона. У каждого из трех правителей оказалось по одному.

Перед уходом старец оставил пророчество:

— Пять тысяч лет пролетят, как миг. Три части мира живут в покое. Если одна падет — начнется хаос. Если две объединятся — падет проклятие небес. Когда же явятся все четыре — мир станет единым!

— Что значит когда явятся все четыре, мир станет единым? — Лян Сеюнь нахмурилась, озадаченно почесывая затылок.

Лян Сехань щелкнул её веером по лбу:

— Я же говорил тебе больше читать, вот теперь и мучаешься?

Лян Сеюнь скорчила гримасу второму брату, затем ухватила за тонкую руку Цзи Фаньинь и заискивающе произнесла:

— Прошу, пусть умная и талантливая сестрица Фаньинь мне все объяснит.

Едва она закончила, как в Лян Сесяо проснулся собственнический инстинкт. Он безжалостно убрал пальцы сестры, спрятал Цзи Фаньинь за свою спину и холодно бросил:

— Хочешь говорить — говори, нечего руками размахивать.

Лян Сеюнь лишь закатила глаза. Этот брат, готовый ради возлюбленной на все, был просто невыносим! Остальные лишь понимающе улыбнулись. Лян Сеюнь обиженно надула губы, про себя решив, что когда-нибудь и она найдет мужчину, который будет души в ней не чаять.

Цзи Фаньинь, стоя за спиной Лян Сесяо, нахмурилась. Сопоставив слова старца с четырьмя жетонами, она легко поняла смысл: как только появится четвертый жетон, мир будет объединен. Но, судя по рассказу, старец никому не сказал, где находится Жетон Феникса. Первые три были известны: Цилин, Черепаха и Дракон.

С тех пор правители трех стран, осознав тщетность своих амбиций, без колебаний заключили союз и поклялись не нападать друг на друга.

— О чем задумалась?

Низкий, бархатный голос вернул её из мира грез. Цзи Фаньинь улыбнулась и рассказала ему всё, что было у неё на уме. Она полностью доверяла ему. После возвращения из Пэнлая её сердце, словно небо после грозы, обрело ясность. Лян Сесяо почувствовал это доверие, и многолетняя тяжесть в его душе мгновенно рассеялась.

Он слегка коснулся пальцем кончика её носа и улыбнулся:

— Кстати, почему ты не спросила, что я имел в виду под сокровищем?

Его пальцы нежно погладили её гладкий лоб, а голос прозвучал глубоко и мягко:

— Ты и есть мое сокровище.

Тук.

Словно камень, брошенный в воду, эти слова вызвали бурю в её сердце. Он... он действительно мастер говорить такие вещи! Наверняка многие девушки не устояли бы перед таким искусным соблазнителем. От этих мыслей в горле запершило — словно она залпом выпила чан старого уксуса.

— Третий ван, с таким красноречием вы, должно быть, вскружили голову не одной девушке?

Она произнесла это с явной досадой, сердито стиснув зубы. Лян Сесяо с улыбкой посмотрел на неё. Стоило ему свистнуть, как Юэху, высоко подняв голову, притрусил к ним. Цзи Фаньинь явно нравился этот «питомец», который стал заметно крупнее, и она мягко погладила его коричневую гриву:

— Почему он меня не боится?

Она имела в виду ту самую первую встречу на границе Инчжоу и Пэнлая. Ахалтекинские лошади были дикими и своенравными — если их не укротить, они могли заездить всадника до смерти. Лян Сесяо похлопал Юэху по боку и многозначительно ответил:

— Спроси у него сама.

Она лишь молча посмотрела на него. Животное ответит на вопрос? И ведь правда ответило! Юэху высунул длинный алый язык и лизнул её ладонь.

В этот миг Цзи Фаньинь замерла. Словно чья-то невидимая рука открыла шкатулку с её

воспоминаниями.

— Брат, эта лошадь такая свирепая.

— Да, конюх сказал, что она с норовом, до сих пор никто не смог её укротить.

— Мне хочется попробовать.

Мужчина в костюме для верховой езды рассмеялся и щелкнул её по носу:

— Не дури.

Девушка не отступила, в её глазах читалась решимость.

— Они говорят, что у тебя скверный характер, но на самом деле они просто тебя не понимают, правда?

Девушка в нежно-розовом костюме шаг за шагом приближалась к лошади. Та напряглась, её коричневые глаза сверкнули холодным блеском.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. Я просто хочу с тобой подружиться. Меня зовут Цзи Фаньинь, а как зовут тебя?

Девушка осторожно протянула правую руку.

— Фаньинь, вернись!

Голос мужчины, державшего в руках снаряжение, был холодным, как лед. Его сердце бешено колотилось от страха. Он бросился к ней, но она лишь мягко приложила палец к губам.

— Малыш, если у тебя нет имени, давай я дам тебе его?

— Юэху — это имя дала ему ты.

Голос Лян Сесяо вырвал её из оцепенения. Лунный свет окутал Цзи Фаньинь тонкой серебристой вуалью. Она изо всех сил сдерживала слезы, подступавшие к горлу. Только что, словно со стороны, она увидела еще одну сцену.

Пустынные горы Лишань. Девушка в зеленом платье, чьи одежды развевались на ветру, прижалась к Юэху и что-то шептала, словно старому другу.

Это была она, но в то же время — не она.

Что же все это значит? Множество загадок требовали ответа.

<http://bllate.org/book/25721/3075305>